

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

СТИХИ и ПОЭМЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 21
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

СТИХИ и ПОЭМЫ

Издательство «ПРАВДА»

Москва — 1946

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

Ольга Фёдоровна Берггольц родилась в 1910 году в Ленинграде, в семье врача. В 1926 году окончила среднюю школу, в 1930 году — Ленинградский университет по филологическому факультету. В этом же году отправилась в Казахстан, где и работала в газете «Советская степь» (ныне «Казахстанская правда») разъездным корреспондентом. С конца 1931 года Берггольц начала работать в Ленинграде, на заводе «Электросила», редактором комсомольской страницы в заводской многотиражке. На «Электросиле» была принята сначала в кандидаты, а затем в феврале 1940 года — в члены ВКП(б).

К 1934 году были выпущены первая книжка стихов Ольги Берггольц и несколько детских книг. В 1935 году вышли книга рассказов «Ночь в новом мире» и вторая книжка стихов.

С начала войны Берггольц работает в Ленинградском радиокомитете, пишет здесь статьи, очерки, но больше всего стихи, систематически выступает с радиобеседами на наиболее острые темы жизни и быта осаждённого города. Самые значительные из этих бесед, обычно заканчивающиеся стихами, собраны и изданы под названием «Говорит Ленинград». Кроме того в дни осады Ольга Берггольц работала несколько месяцев политорганизатором жилого объекта, несла службу в командах МПВО при доме, вела политические занятия с партийным активом на заводе «Электросила», оказавшемся в 4 километрах от переднего края. Ей много приходилось бывать на Ленинградских фронтах, в сухопутных и морских частях, на предприятиях и в учреждениях Ленинграда, выступать со стихами и речами.

Время блокады и войны, которую Берггольц целиком провела в Ленинграде, — наиболее напряжённое и плодотворное время её работы. За это время вышло шесть книжек стихов и прозы: «Ленинградская поэма» и «Ленинградская тетрадь» (1943 год), «Ленинград» и «Ленинградский дневник» (1944 год), «Твой путь» (1945 год), «Говорит Ленинград» (1945 год).

Ряд стихов Ольги Берггольц переведён на различные языки.

*
* * *

...Третья зона, дачный полустанок,
У перрона тихая сосна.
Дым, туман, струна звенит в тумане,
Невидимкою звенит струна.

Здесь шумел когда-то детский лагерь
На весёлых ситцевых полях...
Всю в ромашках, в пионерских флагах,
Как тебя любила я, земля!

Это фронт сегодня. Сотня метров
До того, кто смерть готовит мне.
Но сегодня тихо. Даже ветра
Нет совсем. Легко звучать струне.

И звенит, звенит струна в тумане...
Светлая, невидимая, пой!
Как ты плачешь, радуешься, манишь,
Кто тебе поведал, что со мной?
Мне сегодня радостно до боли,
Я сама не знаю, отчего.
Дышит сердце небывалой волей,
Силою расцвета своего.

Знаю, смерти нет: не подкрадётся,
Не задушит медленно она:
Просто жизнь сверкнёт и оборвётся,
Точно песней полная струна.

...Как сегодня тихо здесь, на фронте.
Вот среди развалин над трубой

Узкий месяц встал на горизонте,
Деревенский месяц молодой.
И звенит, звенит струна в тумане,
О великой благости моля...
Всю в крови,
в тяжёлых ржавых ранах
Я люблю, люблю тебя, земля!
Март 1943 г.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Я так боюсь, что всех, кого люблю,
Утрачу вновь;
Я так теперь лелею и коплю
Людей любовь.
И если кто смеётся — не боюсь:
Настанут дни,
Когда тревогу вещую мою
Поймут они.

2

Пахнет соснами, гарью, тленьем,
Рядом бьётся родник, — лови.
Это запах освобожденья,
Облик вечной нашей любви.

Не считаем ни дней, ни сроков,
Не гадаем, что впереди...
Трезвый, яростный и жестокий
Полдень счастья, — не отходи.
Июль 1939 г.

НАЧАЛО ПОЭМЫ

...Всю ночь не разнимали руки,
всю ночь не спали мы с тобой:
я после долгой, злой разлуки
опять пришла к тебе, домой...

Мы говорили долго, жадно,
мы не стыдились слёз отрадных, —
мы так крепились в дни ненастья...
Теперь душа светла, мудра,
и зрелое людское счастье,
как солнце, встретит нас с утра.
Теперь навек — ты веришь, веришь? —
любовь одна и жизнь одна...
...И вдруг стучит соседка в двери,
вошла и говорит:

— Война.

Война уже с рассвета длится.
Войне уже девятый час.
Уж враг за новой границей.
Уж сотни первых вдов у нас, —
войне идёт девятый час.

И в вечность канул день вчерашний.

Ты говоришь:

— Ну, как? Не страшно?

— Нет... Ты идёшь в военкомат?

Ещё ты муж, но больше — брат...

— Ступай, родной...

И ты солдат,

ты соотечественник мне,

и в этом — всё.

Мы на войне.

1942 г.

ИЗ БЛОКНОТА СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

1

...Видим — опять надвигается ночь,
и этому не помочь:
ничем нельзя отворотить темноту,
прикрыть небесную высоту...

2

Я не дома, не города житель,
не живой и не мёртвый — ничей:
я живу между двух перекрытий,
в грудe сложенных кирпичей...

3

О, это явь — не чудится, не снится:
сирены вопль, и тихо — и тогда
одно мгновенье слышно — птицы, птицы
поют и свищут в городских садах.
Да, в тишине предбоевой, в печали,
так торжествуют хоры вешних птиц,
как будто б рады, что перекричали
огромный город, падающий ниц...

4

В бомбоубежище, в подвале,
нагие лампочки горят...
Быть может, нас сейчас завалит.
Кругом о бомбах говорят...
...Я никогда с такою силой,
как в эту осень, не жила.
Я никогда такой красивой,
такой влюблённой не была...

5

Да, я солгу, да, я тебе скажу:
— Не знаю, что случилось со мной.
Но так легко я по земле хожу,
как не ходила долго и давно.
И так мила мне вся земная твердь,
так песнь моя чиста и высока...
Не потому ль, что в город входит смерть,
а новая любовь недалеко?..

Сентябрь 1941 г.

ТРИ ТОСТА

1

Летит новогодняя вьюга,
сверкая, колдуя, трубя.
Прибор запоздавшему другу
поставим на стол у себя.
И рядом, наполнив до края, —
весёлую чашу вина,
чтоб в искрах и звёздах играя,
была наготове она.
Быть может, в промёрзшие двери
наш друг постучится сейчас,
и скажет: — За ваше доверье! —
и чашу осушит за нас.
Так выше бокал новогодний,
наш первый, поднимем смелей
за всех, кто не с нами сегодня,
за всех запоздавших друзей!

31 декабря 1939 г.

2

В ещё невиданном уборе,
завьюженный, огромный дот, —
так Ленинград, гвардеец-город,
встречает э т о т н о в ы й г о д .
Как беден стол, как меркнут свечи.
Но я клянусь — мы никогда
торжественней, правдивей встречи
не знали в прежние года.
Мы, испытавшие блокаду,
все муки ратного труда,
друг другу счастья и отрады
желаем так, как никогда.
Мы, с диким мужеством и страстью
ведущие неравный бой,
мы знаем, что такое счастье,
что значит верность и любовь.
Так выше головы и чаши
с глотком вина: мы пьём его

за человеческое наше,
незыблемое торжество.
За Армию, красу и гордость
планеты, страждущей, земной,
за наш угрюмый, тёмный город,
второйне любимый и родной.
Мы в чаянье тепла и света
глядим в грядущее в упор...
За горе, гибель и позор
врага.

За Жизнь!

За Власть Советов!

31 декабря 1941 г.

3

Сегодня праздник в городе. Сегодня
мы до утра, пожалуй, не уснём.
Так пусть же будет как бы новогодней
и эта ночь и тосты за столом.
Мы в эту ночь не раз поднимем чаши
за дружбу незапятнанную нашу,
за горькое блокадное родство,
за тех, кто не забудет ничего.

И первый тост, воинственный и братский,
до капли, до последнего глотка —
за вас, солдаты армий ленинградских,
осадою крещённые войска.
За вас, не дрогнувших перед проклятым,
сплошным потоком стали и огня...
Бойцы сорок второй, пятьдесят пятой,
второй ударной, слышите ль меня?
В далёких странах за родной границей,
за сотни вёрст сегодня вы от нас.
Чужая вьюга хлещет ваши лица,
чужие звёзды озаряют вас,
но сердце наше — с вами. Мы едины.
Мы неразрывны, как и год назад,
и вместе с вами подошёл к Берлину
и властно постучался Ленинград.

Так выше эту праздничную чашу
за дружбу незапятнанную нашу,
за кровное военное родство,
за тех, кто не забудет ничего.

...А мы теперь с намёка, с полуслова
поймём друг друга и найдём всегда.
Пускай рубец, почётный и суровый,
с души моей не сходит никогда.
Пусть он душе вовеки не позволит
исполниться ничтожеством и злом, —
животворящей, огненной болью
напомнит о пути её былом.

Пускай всё то же гордое терпенье
владеет нами ныне, как тогда,
когда свершаем подвиг возрожденья,
не отдохнув от ратного труда.

Мы знаем, умудрённые войною:
жестóки раны, скоро не пройдут.
Не все сады распустятся весной,
не все людские души оживут.

Мы трудимся безмерно, кропотливо.
Мы так хотим, чтоб, сердце веселя,
воистину бы стала ты счастливой,
обитель наша, отчая земля.

И верим: вновь пути укажет миру
наш небывалый, тяжкий, дерзкий труд,
и к Сталинграду, к Северной Пальмире
во множестве паломники придут.
Придут из мёртвых городов Европы
по неостывшим, еле стихшим тропам,
придут, как в сказке, за живой водой,
чтоб снова Землю сделать молодой.

Так выше, друг, торжественную чашу,
за этот день, за будущее наше,
за кровное народное родство,
за тех, кто не забудет ничего.

27 января 1945 г.

ДВЕ КОЛЫБЕЛЬНЫХ

I. Д р у г у.

Сосны чуть качаются, —
Мачты корабельные,
Бродит, озирается
Песня колыбельная.
Во белѣх
                  снежкѣх,
В вѣляных
                  сапожкѣх,
шубка пѣстрая,
ушки вострые:
слышит снега шопотѣк,
слышит сердца ропотѣк...

Бродит песенка в лесу,
держит лапки на весу,
в тѣплых варежках она,
в мягких, в гарусных,
и шумит над ней сосна
чѣрным парусом...

Вот подкрѣлась песня к дому,
смотрит в комнату мою...
Хочешь, я тебе, большому,
колыбельную спою?

Колыбельную...
Корабельную...
Тихо песенка войдѣт, —
ласковая, строгая.
Ушками поведѣт,
варежкой потрогает:
чтоб с отрадой ты вздохнул,
на руке моей уснул,
чтоб ни страшных снов,
чтоб не стало слов, —
только снега шопотѣк...
только сердца ропотѣк...

1940 г.

2. Колыбельная

Из «Ленинградской поэмы»

...Для дальней полночи счастливой
её, заветную мою,
сложила я нетерпеливо
еще в блокаде и в бою...

— Здравствуй, крестник
красных командиров,
Милый вестник,
вестник мира...

Сны тебе спокойные приснятся:
битвы стихли на земле ночной.
Люди неба больше не боятся,
неба, озарённого луной.

В синей-синей глубине эфира
молодые облака плывут.
Над могилой красных командиров
мудрые терновники цветут...

Ты проснёшься на земле цветущей,
вставшей не для боя — для труда.
Ты услышишь ласточек поющих,
ласточки вернулись в города.

Гнёзда вьют они и не боятся.
Вьют в стене, пробитой под окном:
крепче будет гнёздышко держаться,
люди больше не покинут дом.

Так чиста теперь людская радость, —
точно к миру прикоснулась вновь...
Здравствуй, сын мой,

жизнь моя,
награда,
здравствуй, победившая любовь.

Июнь 1942 г.

ОТРЫВОК

Ленинградская осень 1942 года

Осенний дождь стучит в квадрат оконный,
Глухие залпы слышатся вдали.
На улицах сырых и очень тёмных
одни сторожевые патрули.
Мигает жёлтый слепенький фонарик,
и сердце вдруг сжимается с тоской,
когда услышишь:

— Пропуск ваш, товарищ...
Как будто ты нездешний и чужой.
— Вот пропуск мой, пожалуйста, проверьте.
Я здешняя, и этот город мой.
У нас одно дыханье, дума, сердце...
Я здешняя, товарищ постовой.

Но я живу в квартире, где зимою
чужая чья-то вымерла семья.
Всё, что кругом, накоплено не мною,
всё не моё, как будто я не я.
И точно на других широтах мира,
за целых два квартала от меня,
моя другая, прежняя квартира
без запаха жилого, без огня.
Я редко прихожу сюда, случайно...
Войду и цепенею, не дыша.
Ещё не бывшей на земле печалью
без слёз, без слов терзается душа.
Да, у печали этой нет названья, —
не выплачешь, не выскажешь её,
и лишь фанерных ставенок стенанье
негромкое похоже на неё.
А на стекле полоски из бумаги,
дождями покороблены, желты:
неведенья беспомощные знаки,
зимы варфоломеевской кресты.

Недаром их весною отдирали
те, кто в жильё случайно уцелел. —
и только в неживых домах остались
бумажные полоски на стекле.

Моя квартира прежняя пуста:
её окошки в траурных крестах.

...Да я ли здесь жила с тобой? Да я ли
кормила здесь когда-то дочерей?
Меня ль, меня ль глаза твои встречали
у тёплых, у клеёнчатых дверей?

Ты вскакивал, ты выбегал к порогу,
чуть делались шаги мои слышны.
Ты восклицал:— Пришла? Ну, слава богу.
А было тихо — не было войны.

И странно: в дни обстрелов и бомбёжек,
когда свистела смерть на всех углах,
ты ждал меня, ни капли не тревожась,
как будто я погибнуть не могла, —

как будто я была заговорённой
несокрушимой верностью твоей, —
и тот же взгляд — восторженный, влюблённый —
встречал меня у дорогих дверей.

Я всё отдам — любовь, и вдохновенье,
и славу, щедро данную войной, —
за ту одну минуту возвращенья
к тебе, под кров домашний, старый, м о й...

Как будто я ослепла и оглохла:
не услышать тебя, не увидеть.
Я слышу только дождь: он бьётся в стёкла,
и только дождь такой же, как тогда...

Октябрь 1942 г.

СТИХИ О СЕБЕ

...И вот, в послевоенной тишине
сама себя я слышу, наконец...

. . . . .

...Какое сердце стало у меня.
Сама не знаю — лучше или хуже:
не отогреть у мирного огня,
не остудить на самой лютой стуже.

...И в чёрный час зажжённые войною
затем, чтобы не гаснуть, не стихать,
неженские созвездья надо мною,
неженский ямб в черствеющих стихах.

...Но как стволы, поднявшиеся рядом,
сплетают корни в душной глубине
и слили кроны в чистой вышине,
даря прохожим мощную прохладу, —
так скорбь и счастье живут во мне, —
единым корнем — в муке Ленинграда,
единой кроною — в грядущем дне.

И всё неукротимей год от года
в неистовство зенита своего
растёт свобода сердца моего, —
единственная на земле свобода.

1946 г.

ПЕСНЯ О ЖЕНЕ ПАТРИОТА

Хорошие письма из дальнего тыла
Сержант от жены получал,
И сразу, покамест душа не остыла,
Друзьям по оружию читал.

А письма летели сквозь дымные ветры,
Сквозь горькое пламя войны, —
В зелёных, как вешние листья, конвертах,
Сердечные письма жены.

Писала, что родиной стал из чужбины
Далёкий сибирский колхоз.
Жалела, что муж не оставил ей сына, —
Отца б дожидался да рос...

Читали — улыбка с лица не скрывалась,
Читали, слезы не сдержав:
— Хорошая другу подружка досталась,
Будь счастлив, товарищ сержант.

Пошли ей, сержант, фронтовые приветы,
Земные поклоны от нас.
Совет да любовь вам, да ласковых деток,
Когда отгрохочет война...

...А ночью прорвали враги оборону, —
Отчизне грозила беда,
И пал он обычною смертью героя,
Заветный рубеж не отдав.

Друзья собрались и вдове написали,
Как младшей сестре дорогой:
«Поплачь, дорогая, — убудет печали,
Поплачь же над ним, над собой».

Ответ получили в таком же конверте,
Зелёном, как листья весной.
И всем показалось, что не было смерти,
Что рядом их друг боевой.

«Спасибо за дружбу, отважная рота,
Но знайте, — писала она, —
Не плачет, не плачет вдова патриота,
Покамест бушует война.

Когда же сражений умолкнут раскаты,
И каждый к жене заспешит, —
В тот день я, быть может, поплачу, солдаты,
По-женски поплачу, навзрыд...

Так бейся же на смерть, отважная рота,
Готовь же отмщенье своё, —
За то, что не плачет вдова патриота,
За бедное сердце её...»

Январь 1943 г.

ПАМЯТИ ЗАЩИТНИКОВ¹

I

В дни наступленья армий ленинградских,
В январские свирепые морозы
Ко мне явилась девушка чужая
И попросила написать стихи.

Она пришла ко мне в тот самый вечер,
Когда как раз два года исполнялось
Со дня жестокой гибели твоей.

Она не знала этого, конечно.
Стараясь быть спокойной, строгой, взрослой,
Она просила написать о брате,
Три дня назад убитом в Дудергофе.

Он пал, Воронью гору атакуя,
Ту высоту проклятую, откуда
Два года немец вёл корректировку
Всего артиллерийского огня.

Стараясь быть суровой, как большие,
Она портрет из сумочки достала.
«Вот мальчик наш,

мой младший брат Володя...»

---

¹ Эти стихи написаны по просьбе ленинградской девушки Нины Нониной о брате её, 20-летнем гвардейце Владимире Нонине, погибшем под Ленинградом в январе 1944 года.

И я безмолвно ахнула: с портрета
Глядели на меня твои глаза.

Не те, уже обугленные смертью,
Не те, безумья полные и муки,
Но те, которыми глядел мне в сердце
В дни юности — тринадцать лет назад.

Она не знала этого, конечно.
Она просила только: «Напишите
Не для того, чтобы его прославить,
Но чтоб над ним могли чужие плакать
Со мной и с мамой, точно о родном».

Она, чужая девочка, не знала,
Какое сердцу предложила бремя:
Ведь до сих пор ещё за это время
Я реквием тебе — тебе — не написала...

II

Ты в двери мои постучала,
Доверчивая и прямая.
Во имя народной печали
Твой тяжкий заказ принимаю.
Позволь же правдиво и прямо
Своим неукрашенным словом
Поведать сегодня о самом
Обычном, простом и суровом.

III

Когда прижимались солдаты, как тени,
К земле и уже не могли оторваться, —
Всегда находился в такое мгновенье
Один безымянный, Сумевший Подняться.

Правдива грядущая гордая повесть:
Она подтвердит, не прикрасив нимало, —
О д и н поднимался, но был он, как совесть,
И всех за такими с земли поднимало.

Не все имена поколение запомнит.
Но в тот иступлённый, клокочущий полдень
Безусый мальчишка гвардеец и школьник,
Поднялся и цепи штурмующих поднял.

Он знал, что такое Воронья гора.
Он встал и шепнул, а не крикнул: «Пора!»

Он полз и бежал, распрямлялся и гнулся,
Он звал, и храпел, и карабкался в гору,
Он первым взлетел на неё, — обернулся,
И ахнул, увидев открывшийся город.

И, может быть, самый счастливый на свете,
Всей жизнью в тот миг торжествуя победу,
Он смерти мгновенной своей не заметил,
Ни страха, ни боли её не изведав.

Он падал лицом к Ленинграду. Он падал,
А город стремительно мчался навстречу...
...Впервые за долгие годы снаряды
На улицу к нам не ложились в тот вечер.

И звёзды мерцали, как в детстве, отрадно,
Над городом тёмным, уставшим от бедствий.
«Как тихо сегодня у нас в Ленинграде», —
Сказала сестра и уснула, как в детстве.

«Как тихо», — подумала мать и вздохнула.
Так вольно давно никому не вздыхалось.
Но сердце, привыкшее к смертному гулу,
Забывшей земной тишины испугалось.

IV

Как одинок убитый человек
На поле боя,
стихшем и морозном,
Кто б ни пришёл к нему,
кто ни придёт, —
Ему теперь всё будет поздно, поздно.

Ещё мгновенье, может быть, назад
Он ждал родных, в такое чудо веря.
Теперь лежит, — всеобщий сын и брат,
Пока что не опознанный солдат,
Пока одной лишь Родины потеря.

Ещё не плачут близкие в дому.
Ещё приказу вечером внимая,
Никто не слышит и не понимает,
Что ведь уже о нём, уже к нему
Обращены от имени Державы
Прощальные слова
любви и вечной славы.

Судьба щадит перед ударом нас.
Мудрей, наверно, не смогли бы люди...
А он — он отдан Родине сейчас,
Она одна сегодня с ним пробудет.

Единственная мать, сестра, вдова,
Единственные заявив права, —
Всю ночь пробудет у сыновних ног
Земля распластанная, тьма ночная,
Одна за всех горя, плача, зная,
Что сын непоправимо одинок.

V

Мёртвый, мёртвый... Он лежит и слышит,
Всё, что недоступно нам, живым:
Слышит — ветер облако колышет,
Высоко идущее над ним.

Слышит всё, что движется без шума,
Что молчит и дремлет на земле.
И глубокая застыла дума
На его разглаженном челе.

Этой думы больше не нарушить...
О, не плачь над ним, — не беспокой
Тихо торжествующую душу,
Услышавшую земной покой.

VI

Знаю: утешеньем и отрадой
Этим строчкам быть не суждено.
Но погибшим ничего не надо,
Утешать утративших — грешно.

По своей — такой же скорби, — знаю,
Что, неукротимую, её
Сильные сердца не обменяют
На забвеньё и небытиё.

Пусть она, чистейшая, святая,
Душу нечествеющей хранит.
Пусть любовь и мужество питая,
Навсегда с народом породнит.

Незабвенной спаянное кровью
Лишь оно — народное родство —
Обещает в будущем любому
Обновление и торжество.

...Девочка, в январские морозы
Прибегавшая ко мне домой, —
Вот — прими печаль мою и слёзы,
Реквием несовершенный мой.

Всё горчайшее в своей утрате,
Всё, душе светившее во мгле, —
Я вложила в плач о нашем брате,
Брате всех живущих на земле.

...Неоплаканный и невоспетый,
Самый дорогой из дорогих,
Знаю — ты простишь меня за это,
Ты, отдавший душу за других.

Апрель 1944 г.

ТВОЙ ПУТЬ

Поэма

I

...И всё осталось там — за белым-белым,
за тем январским ледовитым днём.
О, как я жить решилась, — как я смела, —
ведь мы давно условились: вдвоём.

.....

А тот, который с августа запомнил
сквозь рупора звеневший голос мой, —
зачем-то вдруг нашёл меня и поднял,
со снега поднял и привёл домой.
Как в притчах, позабытых и священных,
пред путником, который изнемог,
ты встал передо мною на колени
и обувь снял с моих отёкших ног;
высокое сложил мне изголовье,
чтоб легче сердцу было по ночам,
и лёг в ногах, окоченевший сам,
и ничего не называл любовью...

II

Я знаю, слишком знаю это зданье.
И каждый раз, когда иду сюда, —
всё кажется, что вышла на свиданье
сама с собой, такой же, как тогда.

Но это больше, чем воспоминанье.

Я не боюсь самой себя — вчерашней:
на всё отвечу, если уж пришла, —
вот этой серой, беспощадной, страшной,
глядящей из блокадного угла.

Я той боюсь, которая однажды
на Мамиссоне¹, искрящимся днём,
глядела в мир с неукротимой жадной
и верила во всё ему, во всё...

Но это больше, чем воспоминанье, —
я не о ней.
Я о гранитном зданье.

Здесь, как в бреду, всё было смещено,
здесь умирали, стряпали и ели,
а те, кто мог ещё вставить с постелей,
пораньше утром, растемнив окно,
в кружок усевшись, перьями скрипели:
отсюда передачи шли на город, —
стихи, и сводки, и о хлебе весть;
здесь жили дикторы и репортёры,
поэт, артистки... всех не перечесть
Они давно покинули жилища,
там, где-то в недрах города, вдали;
они одни из первых на кладбища
последних родственников отвезли.
И, спаяны страшней, чем кровью рода,
родней, чем дети одного отца,
сюда зимой сорок второго года
сошлись — сопротивляться до конца.

Здесь, на походной койке-раскладушке,
у каменки, блокадного божка,
я новую почувствовала душу,
самой мне непонятную пока.

Я здесь стихи горчайшие писала,
спеша, чтоб свет использовать дневной...
Сюда, в тот день, когда я в снег упала,
ты и привёл, бездомную, — д о м о й.

---

¹ Мамиссонский перевал на Кавказе.

III

...по сумрачным утрам
ты за водой ходил на льдистый Невский,
где выл норд-вест, седой, косматый, дерзкий,
и запах гари стлался по дворам.

Стоял, пылая, город.
В семь утра
темнел скелет Гостиного двора,
и мёртвые у городских дорог
уже давно лежали без сапог, —
спокойные,
как будто б тяжкий долг
отдав тому,
кто жил ещё и шёл...

...И на Литейном был один источник:
трубу прорвав, подземная вода
однажды с воплем вырвалась из почвы
и поплыла, смерзаясь в глыбы льда.
Вода плыла, гремя и коченея,
и люди к стенам жались перед нею,
но вдруг один, —
устан пережить, —
наперерез пошёл
по корке льда,
ожесточась пошёл,
но не прорвался,
а сбит волной,
свалился на ходу
и вмёрз в поток,
и так лежать остался
здесь, на Литейном, видный всем, — во льду.

А люди утром прорубь продолбили
невдалеке
и длиною чредой
к его прозрачной ледяной могиле
до марта приходили за водой.

...Тому, кому пришлось когда-нибудь
ходить сюда — не говори: «Забудь».

Я знаю всё. Я тоже там была,
я ту же воду жгучую брала,
из той же ленинградской Иордани,
где человек, судьбы моей собрат,
как мамонт, павший сто веков назад,
лежал, затёртый городскими льдами...

...Вот так настал,

одетый в кровь и лёд,

Сорок второй — неборимый — год.

О год ожесточенья и упорства!

В то время на смерть,

на смерть встали мы...

Год Ленинграда, год его Зимы,
год сталинградского единоборства.

IV

В те дни исчез, отхлынул бы т.

И смело

в права свои вступило бы т и е.

А я жила.

Изнемогало тело,

и то сияло, то бессильно тлело

сознание смятенное моё.

Сжималась жизнь во мне...

...Совсем похоже,

как древняя шагреневая кожа
с неистойвой сжималась быстрою,
едва владелец — бедный раб её —
любое, незапретное, простое
осуществляя желание своё.

Сжималась жизнь...

Так вот что значит — смерть:

не сметь желать. Самой, совсем не сметь.

Ну, что же, пусть...

Я всё равно устала,

я всё равно не этого ждала

на тех далёких горных перевалах,

под небосводом синего стекла,

там, где цветок глядел из-за сугроба,

где в облаках, на кромке крутизны,

мы так тогда прекрасны были оба,

так молоды, бесстрашны и сильны...

...Всё превратилось вдруг в воспоминанье:
вся жизнь,

    все чувства,
        даже и сама,
пока вокруг в свирепом ожиданье
стоят враги, безумствует зима,
и надо всем, — сквозь лёд, и бред, и ночи, —
не погасить его, не отойти —
рублёвский лик и стынущие очи
того, кому не сказано — «Прости!»,
того, кто был со мной на перевале
на одиноком, блещущем пути
и умер здесь — от голода в подвале, —
а я — я не могла его спасти...

...Ещё хотелось повидать сестру.
Я думала о ней с такой любовью,
что стало ясно мне: на днях умру.
То кровь тоскует по родимой крови.

Но незнакомый, чей-то, не родной
ты ближе всех, ты рядом был со мной.

И ты не утешал меня. Ночами,
когда, как все, утратив радость слёз,
от горя корчась, я почти мычала,
ни рук моих не гладил, ни волос.

Ты сам, без просьб,
как будто б встал на страже
глухого отчужденья моего;
ты не коснулся ревностью его
и не нарушил нежностью даже.

Ты просто мне глоток воды горячей
давал с утра,

    и хлеба,
        и тетрадь,
и заставляя писать для передачи:
ты просто не давал мне умирать...

Недаром был обычай в эту пору —
ходить вдвоём.

Ты взял с собой меня.
И вот мы шли... Мы шли,
как весь наш город,
к сегодняшним — тогда незримым дням.
Не знаю, как, но я на дне страдания,
о мёртвом счастье бредя, о тепле,
открыла вдруг, что ты — моё желанье,
последнее желанье на земле.

Я так хочу.
Я так хочу сама.
Пускай, озлясь, грозитя мне зима,
что радости вместить уже не сможет
остаток жизни
— мстительная кожа, —
я так хочу;
пуская сойдёт на-нет, —
мне мерзок своеволия запрет.

Я даже пела что-то в этот вечер
почти забытое, у огонька,
цветным платком плотней укрыла плечи
и тёмный рот подкрасила слегка.
В тот самый день сказал ты мне смущаясь:
— А все считают, ты — моя жена...
...И люди нас не попрекнули счастьем
в том городе, где бредила Война...

V

Мы жили высоко — седьмой этаж.
Отсюда был далёко виден город:
он обгоревший, тихий был, и гордый,
пустынный был,
и весь, до пепла, — наш.
А мы ходили в Летний по грибы,
где, как в бору, кукушка куковала.
Возили реже мёртвых. Но гробы
не появлялись: сил не доставало
на этот древний горестный обряд.
О нём забыл блокадный Ленинград.
И первый гроб, обитый кумачом,
проехавший на катафалке красном, —

обрадовал людей: нам стало ясно,
что к жизни возвращаемся и мы
из недр нечеловеческой зимы.

О нет, я не кощунствую!

Так было!

Нам всё о жизни яростно твердило,
и точно дар торжественный — для нас
всё на земле

явилось

в первый раз.

И солнце мы впервые увидали,
и с наших крыш —

с постов сторожевых —

Большой Земли мерцающие дали
в румяных зорях,

в дымке синевы.

До стога,

до озноба,

до восторга

мы вглядывались в эту синеву...

Прекрасная!

Нельзя тебя отторгнуть.

Ты — это жизнь.

Ты есть — и я живу.

...Я помню час, когда, толкнув рукой
окошко, перекрещенное слепо,
я в одичавший, зимний угол свой
впустила полднем дышащее небо.

Я отойти не смела от окна!

Слепорождённый в первый день прозренья
глядел бы так, с таким же изумленьем
на всё, что знал под именем «весна».

Мне так же всё рукой хотелось трогать.

Страшило всё, — открытое вокруг,
и больше всех — влюблённый,

верный, строгий

мой новый муж,

мой поводырь

мой друг.

. . . . .

VI

...А в темноте, почти касаясь кровли,
всю ночь снаряды бешеные шли:
так, метров семь над сонной нашей кровью.
И рушились то близко, то вдали.

Ты рядом спал, как спал весь город, — камнем,
сменясь с дежурства.

Мы с утра в бою...

Как страшно мне! Услышав свист, — руками
я прикрываю голову твою.

Невольный жест, напрасный — знаю, знаю...

А ночь светла.

И над лицом твоим
с тысячелетней нежностью склоняясь,
я тороплюсь налюбоваться им.

Я тороплюсь, я знаю, что сосчитан
свиданья срок. Разлука настаёт.

Но ты не знай... Спи под моей защитой, —
солдат уставший, муж, дитя моё...

Три выстрела — три грохота подряд.
Как хорошо — пока не в наш квадрат.

А рядом в изголовье надо мною
охапка веток, полная весною, —
ты с фронта, из Рыбацкого принёс...

Как пахнут листья, господи, — до слёз!..

Так ты вернулась, встала в изголовье,
о молодость... твой запах узнаю...

Сплети ж с моей сегодняшней любовью
всю чистоту и трепетность твою,
верни мне всё...

Свистит.

Опять фугас!

Сюда идёт... Враг обнаружил нас,
засёк,

нашёл,

сюда кладёт снаряды,
невидимый, нацелился в упор
откуда-то из гатчинского сада,
от царскосельских дремлющих озёр, —
отсюда идёт...

В ночной молочной дымке

я узнаю, безносый невидимка,
тебя.

Ты приходил ко мне зимой,
Свистишь?

Свисти.

Я принимаю бой.

Ты утопить хотел меня в отёке.
Ты до костей обтягивал мне щёки.
Ты мне глаза мои вдавил в глазницы,
ты зубы мне расшатывал во рту,
ты гнал меня в подвалы,

в темноту,
под свод психиатрической больницы.
Но меж развалин, горестных и дымных,
в ожогах вся, в запекшейся золе,
я поднялась, как все, — неистребима,
с неистребимой верностью Земле,
и здесь, под этой обречённой крышей,
нашла возлюбленного своего.
Он рядом спит. Он жив. Он мирно дышит,
я ни за что не разбужу его.

Что может враг?

Разрушить и убить.

И только-то?

А я могу любить,
а мне не счесть души моей богатства,
а я затем хочу и буду жить,
чтоб всю её,

как дань людскому братству,
на жертвенник всемирный положить.

Грозишь?

Грози.

Свисти со всех сторон.

Мы победили.

Ты приговорён.

Обстрел затих.

Зарёю полон город,
сменяются усталые дозоры,
на улицах пустынно и светло.
Сметают в кучи дворники стекло,
и неусыпным эхом повторён

щемящий, тонкий, шаркающий звон,
и радуги бегут по тротуарам
в стеклянных брызгах.
В городе весна,
разбитым камнем пахнет и пожаром,
в гранитный берег плещется волна,
как сотни лет плескалась.

Тишина.

...Какая ночь над сердцем прогремела,
над самой головой моей прошла...
Помолодела я иль постарела?
Какой восход — багряный, чистый,
смелый,
и этот тонкий, ломкий звон стекла
и тишина,

как будет — без предела...

...О девочка с вершины Мамиссона,
что знала ты о счастья?

..Оно

неласково,
сурово и бессонно
и с гибелью порой сопряжено.
Пред ним ничто — веселье.
Радость — прах.
Перед ним бессилен враг,

и тлен,

и страх,

оно несёт на крыльях лебединых
к таким неугасающим вершинам,
к столь одиноким, нежным и нагим,
что боги позавидовали б им.
Я счастлива.

И всё яснее мне,
что я всегда жила для этих дней,
для этого жестокого расцвета.
И гордости своей не утаю,
что рядовым вошла

в судьбу твою,

мой город,

в званьи твоего поэта,

Не ты ли сам

зимой библейски грозной

меня к траншеям братским подозвал
и, весь окостеневший и бесслёзный,
своих детей оплакать приказал.

И там, где памятников ты не ставил,
где счесть не мог, где никого не славил,
где снег лежал

от зарев розоватый,
где прогрызал траншеи экскаватор,
и динамит на помощь нам, без силы,
пришёл,

чтоб землю вздыбить под могилы. —
там я твоею плакальщицей стала...
Неся избранье тяжкое своё,
из недр души

я стих свой выдирала,
не пощадив
живую ткань её...

И ясно мне судьбы моей веленье:
стихом своим на много лет вперёд
я к твоему пригвождена виденью,
я вмёрзла

в твой неповторимый лёд.
...А тот, над кем светло и неустанно
мне горевать, печалиться, жалеть,
кого прославлю славой безымянной —
немою славой, высшей на земле, —
ты слит со всем, что больше жизни было:
мечта,

душа,
отчизна,
бытиё.

И для меня — везде твоя могила
и всюду — воскресение твоё.
Твердит об этом

трубный глас Москвы,
когда она,
колебля своды ночи,
как равных, славит павших и живых,
и Смерти —
смертный приговор

пророчит.

Апрель 1945 г.

СОДЕРЖАНИЕ

«...Третья зона, дачный полустанок...» . . .	3
Два стихотворения	4
Начало поэмы	4
Из блокнота сорок первого года	5
Три тоста	7
Две колыбельных	10
Отрывок (Ленинградская осень 1942 года) . .	12
Стихи о себе	14
Песня о жене патриота	14
Памяти защитников	16
Твой путь (Поэма)	21

Отв. редактор — А. Сурков.

А—08554. Тираж 100.000. Подписано к печати 21/VI 1946 г. Зак. 1008.

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 40 коп.